

В 2013 году, в разгар гражданской войны, 23-летний Самар Абаза, как и сотни тысяч его соотечественников, решил бежать из страны в поисках безопасного убежища за рубежом. Однако в отличие от большинства беженцев из Сирии, насчитывающих, по некоторым оценкам, 2,5 млн человек, Самар Абаза решил строить новую жизнь на другой спорной территории, в Абхазии.

По утверждению де-факто правительства этого сепаратистского черноморского края, с мая 2012 года в Абхазию прибыло порядка 490 сирийцев абхазского происхождения. Некоторые из беженцев рассказывали EurasiaNet.org, что неплохо адаптируются к жизни на этой крошечной субтропической территории, другие же находят этот процесс непростым.

Большинство возвращающихся являются потомками махаджиров – преимущественно мусульманских повстанцев, в середине XIX века бежавших в Османскую империю с российского Северного Кавказа. После отделения от Грузии в 1992 году Абхазия объявила одним из своих приоритетов репатриацию представителей этнической абхазской диаспоры с целью увеличения населения территории, сократившегося в результате массового оттока этнических грузин в ходе конфликта между Тбилиси и абхазскими сепаратистами 1992-1994 годов.

Согласно де-факто Управлению статистики региона, на сегодняшний день этнические абхазы составляют чуть более половины населения самопровозглашенной республики в 240 тысяч 705 человек. При высоком уровне безработицы и низком уровне жизни добиться возвращения абхазов диаспоры на постоянное жительство является трудной задачей – если только перед человеком не маячит альтернатива проживания в лагере для беженцев. «Разразившийся в Сирии конфликт заставил их быстрее принять решение о приезде, – допускает начальник отдела Турции и Ближнего Востока де-факто МИДа Абхазии Инар Гитсба. – Но они всегда думали о возвращении на родину предков».

Инар Гитсба, совершивший две поездки в Сирию, полагает, что в Сирии может проживать до 5 тысяч этнических абхазов, хотя и признает, что точно подсчитать их количество затруднительно. В отличие от Турции, в Сирии нет абхазских организаций, поскольку абхазы обычно живут в смешанных сообществах с другими выходцами с Северного Кавказа, объясняет он.

Руководители местного землячества помогли распространить информацию о том, что Абхазия предлагает убежище. По словам де-факто замминистра иностранных дел Абхазии Ираклия Хинтба, Россия также оказала содействие, организовав чартерный рейс из Бейрута в Сочи и сократив в шесть раз стоимость российской визы. В Абхазии нет действующего аэропорта, так что возвращающихся доставили самолетом в Сочи, а затем автобусом до приморского гостиничного комплекса в столице Абхазии Сухуми. Когда-то в этом отеле размещались наблюдатели ООН.

Чтобы помочь сирийским соотечественникам интегрироваться, де-факто власти республики учредили «Фонд репатриации». За период с 2012 года из этого фонда было выделено порядка 1,5 млн долларов на обеспечение беженцев жильем, на образование и оказание им финансового содействия. На сегодняшний день все сирийцы проживают в съемных квартирах в Сухуми и его окрестностях и получают ежемесячное пособие в размере 10 тысяч рублей (280 долларов).

«Это в десять раз больше помощи, получаемой местными жителями», – комментирует Алена Кувичко, директор местной общественной организации под названием Ассоциация Инва-Содействие, занимающейся реабилитацией инвалидов. Алена Кувичко поддерживает идею возвращения абхазов диаспоры, но подвергает сомнению справедливость предоставляемых сумм. «Пенсионеры могут начать возмущаться», – поясняет она.

Однако даже при таком сравнительно высоком уровне помощи многие сирийцы находят процесс ассимиляции непростым. «Самое сложное – это язык. А без этого интегрироваться в общество нельзя», – говорит на английском языке Самар Абаза, которому из-за гражданской войны в Сирии пришлось прервать свое обучение в университете. – Самое важное сейчас – это найти реальную работу. Я хочу создать здесь семью».

Де-факто правительство Абхазии организует для сирийских беженцев курсы абхазского языка, хотя мало кто из новоприбывших сирийцев видит смысл в овладении кириллическим алфавитом из 62 знаков, когда русский язык проще и более распространен на территории Абхазии.

Однако и знание русского не гарантирует получение работы, подчеркивает уроженец Дамаска Руслан Хаинагуа, покинувший Сирию еще до гражданской войны в 2011 году. Несмотря на наличие диплома специалиста по туризму и гостиничному бизнесу, Руслан Хаинагуа, прибывший в Абхазию через Россию, не может найти работы в туристическом Сухуми и перебивается на месячное пособие.

Для 26-летнего же Овса Маршана репатриация стала сбывшейся мечтой. Стоматолог по профессии, он является одним из немногих молодых сирийских специалистов, которые быстро нашли работу, несмотря на языковой барьер, и росли в обстановке, помогшей им приспособиться к абхазскому обществу. «Мой дедушка родился здесь и уехал ребенком, – вспоминает Маршан. – Он всегда мечтательно говорит о своей родине, и я с самого детства хотел приехать сюда».

Спорный статус Абхазии, судя по всему, не беспокоит этих сирийцев, многие из которых прибыли из демилитаризованной зоны ООН между Сирией и Израилем на Голанских высотах – территории, захваченной Израилем у Сирии в 1967 году. На взгляд Овса Маршана, признание Россией в 2008 году независимости Абхазии способствовало возвращению сирийских абхазов.

В отличие от многих турецких абхазов, до сих пор испытывающих враждебность по отношению к России за притеснение махаджиров, сирийцы, по словам Овса Маршана, не винят президента РФ Владимира Путина за это прошлое. Аналогичным образом они не испытывают и недобрых чувств по отношению к грузинам, так как не объединены общими болезненными воспоминаниями абхазов о войне 1992-1994 годов с Тбилиси.